

Т.М. Миллионщикова

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЛИБАН И МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научно-педагогическое наследие Николая Ивановича Либана (1910–2007), историка русской литературы, заслуженного преподавателя МГУ им. М.В. Ломоносова, представлено в основном курсом его лекций, читанных на филологическом факультете Московского университета.

После окончания Московского государственного педагогического института и аспирантуры Московского института философии, истории и литературы (МИФЛИ) Н.И. Либан в 1943 г. был принят в число преподавателей МГУ в качестве ассистента кафедры русской и славянской литературы филологического факультета. Начало его преподавательской деятельности пришлось на годы Великой Отечественной войны. С 1943 г. он был назначен заместителем декана заочного отделения филфака МГУ и, находясь в этой должности, до конца войны много раз выезжал на фронт и выступал перед ранеными бойцами в госпиталях. В первые послевоенные годы Н.И. Либан провел огромное количество занятий и консультаций у тяжелобольных студентов и инвалидов у них дома.

На протяжении своей долгой педагогической деятельности в Московском университете Н.И. Либан руководил стажерами, слушателями факультета повышения квалификации; постоянно консультировал учителей, музейных работников и всех, кто обращался к нему за помощью. «Диапазон, размах, масштаб его деятельности как лектора, еще более – как руководителя студенческих семинаров и дипломных сочинений, а также как неизменного участника всяческих обсуждений и дискуссий, поистине беспреце-

дентен»¹, – отмечает профессор МГУ Валентин Хализев. Под научным руководством Н.И. Либана защищено более 200 дипломных работ.

Профессор МГУ Валентин Хализев подчеркивает, что Николай Иванович был «всецело сосредоточен на факультетской жизни». Ему был свойствен интерес не только к его собственным ученикам (участникам семинаров и слушателям лекций), но и к факультетской студенческой жизни в целом. Перед руководством факультета он неоднократно и весьма настойчиво выступал в роли защитника тех, кого считал настоящими филологами. О его поддержке помнят многие из давних выпускников.

В то же время Николай Иванович называл себя лишь педагогом, но «не ученым» совершенно безосновательно, утверждает В. Хализев. Ему был присущ широкий круг филологических интересов, оригинальность высказываемых мыслей, четкость занимаемой позиции. В центре его внимания всегда находилась древнерусская литература; на втором месте (а, быть может, даже и на первом) – творчество Н.С. Лескова, которого Николай Иванович считал самым русским из всех наших писателей. Большое внимание он уделял также творчеству Н.Г. Помяловского.

На отделении русского языка и литературы филологического факультета Н.И. Либан прочитал двадцать три авторских спецкурса и общий курс по истории древнерусской литературы. Хронологически его лекции охватывают огромный период истории русской словесности, начиная от ее истоков – древнерусской литературы, возникшей с началом христианизации Руси, и заканчивая кризисом христианства, отразившимся в творчестве русских религиозных писателей и мыслителей рубежа XIX–XX столетий. Энциклопедические знания ученого и педагога определили широту его научных интересов, охватывающих историю и теорию литературы. Предметом лекций и спецсеминаров в разные годы оказывались фольклор и литература Древней Руси; литература и культура XVIII в.; эстетика классицизма; масонство; русский романтизм; поэзия «золотого века»; проза русских писателей второй половины XIX в.

Главным в научно-преподавательской деятельности Николая Ивановича стал курс лекций, обязательный для всех студентов отделения русского языка и литературы, читанный им в 1956–

2000 г. – «Древняя русская литература (XI–XVII)», который и принес ему прижизненную славу. Синкретизм, присущий русской литературе Древней Руси, требовал от автора лекций методологии, которая гармонично сочетала бы историко-культурный, этнографический, лингвистический, философско-религиозный принципы анализа. Именно таким научно-исследовательским подходом в совершенстве владел Н.И. Либан, обладавший «огромной общегуманитарной эрудицией»², – подчеркивает ученик Николая Ивановича, доктор филологических наук, профессор МГУ Сергей Кормилов.

Применительно к древнерусской литературе ученый выдвинул периодизацию, совпадающую с веками отечественной истории XI–XVII вв., выделив в ней четыре периода. С XI в. по конец XIII в. – первый, киевский период, когда произошло становление литературной жизни ранней Руси; второй период, связанный со становлением так называемых областных литератур, совпадает с эпохой феодальной раздробленности (конец XIII в., XIV и XV вв., вплоть до начала XVI в.); третий, самый яркий, «московский» период охватывает XVI в.; последний – период общерусской литературы (конец XVI и весь XVII в.). Н.И. Либан делает оговорку, что некоторые специалисты по древнерусской литературе сдвигают эти границы или предлагают дробное членение внутри этих периодов.

Н.И. Либан подчеркивал, что решающую роль в возникновении литературы Древней Руси сыграло принятие христианства (988 г.). Русская народность, получившая исключительно благодаря христианизации письменность, «еще живущая преданиями, былинами и сказками, осознает себя как историческую индивидуальность, как историческую единицу... По мысли ученого, нельзя говорить о летописях, не сказав о том, как мы научились писать. Уметь писать – означает умение думать. Когда человек пишет, он общается не с бумагой, а с вечностью. Он излагает свое понимание вещей и приобщается к общему мировому движению мысли. Вот что стало нам доступно в XI в. Для современников она была тайной, предназначавшейся для будущего»³. Николай Иванович и видел свою задачу в том, чтобы его студенты приблизились к разгадке этой тайны.

Подобно византийским хроникам Георгия Амартола и Иоанна Малалы, русская летопись начинается с древних библейских времен. Постепенно летописцы стали включать в нее и современную им историю: «чем ближе по времени событие к летописцу, тем реалистичнее его описание и картины». В «Повести временных лет» – «первоначальной древней нашей летописи» – содержатся этнографические сведения о древних славянах, легенды о первых князьях Древней Руси, основы русской юриспруденции (в повесть вошла вся «Правда» Ярослава Мудрого), впервые обозначены географические границы страны.

Н.И. Либан усматривал главное отличие русской летописи от западных хроник, где все логично и кратко и сжато, в том, что «там по тексту не выстроишь исторически сложившейся физиономии народа. А по нашим лекциям – пожалуйста. Мы так наивны в своих рассуждениях, мы рассказываем о таких вещах, которым вряд ли кто-либо поверит, но рассказываем с увлечением и с полной верой, с таким воодушевлением, что сами раскрываемся в собственной полноте»⁴.

Обращаясь к «Слову о полку Игореве», ученый освещает историю открытия и изучения этого памятника. «Слово» дошло до нас в единственном экземпляре, объяснения этому исследователи находят в том, что текст принадлежит мирской, а не церковной литературе. Главная причина, по мнению Н.И. Либана, заключается в том, что в «Слове» изображено второстепенное событие: Это был отдельный эпизод из жизни Киевской Руси, когда Великий князь Святослав уже потерял свое могущество. Многие исследователи древнерусской литературы рассматривают «Слово» как ее вершину, однако, с точки зрения Н.И. Либана, необходимо учитывать то обстоятельство, что в свое время это произведение «окружали другие памятники, созданные... на пике Киевского периода древнерусской литературы – в конце XII в. Существенной чертой поэтики «Слова» является и то, что оно никогда не звучало в песенном исполнении, о чем свидетельствует само название «слово», т.е. то, что говорится.

Сергей Кормилов отмечает, что некоторые из этих курсов благодарными учениками Н.И. Либана «были не только тщательно записаны, но и изданы при его жизни, так что он имел возможность подержать в руках книги своих лекций. Такого признания не

удостоились ни легендарный историк Грановский, ни гениальный философ и филолог Бахтин: их записанные слушателями лекции были напечатаны спустя много лет после смерти этих ученых»⁵. Отдельным изданием курс древнерусской литературы, читанный Н.И. Либаном, был частично опубликован в его книгах: «Литература Древней Руси: Лекции-очерки» и «Лекции по истории русской литературы: От Древней Руси до первой трети XIX в.»⁶ Полностью лекции Н.И. Либана по древнерусской литературе опубликованы в первой части книги.

К 100-летию выдающегося русского ученого и педагога вышел сборник его избранных трудов, составленный вдовой Николая Ивановича, Верой Харламовой-Либан. По ее словам, она стремилась воссоздать для читателя авторскую концепцию в ее стройности и богатстве смыслов, передающих незабвенные черты ученого-просветителя, сохранить конкретность деталей лекторского рассказа-анализа и выразительность едва ли кем превзойденного полнокровного, живого слова. Издание это увидело свет во многом благодаря поддержке давних учеников Николая Ивановича и явилось данью «памяти бескорыстному хранителю русской культуры», как охарактеризовал эту книгу доктор филологических наук, профессор МГУ А.А. Пауткин.

В сборнике избранных трудов впервые представлен курс древнерусской литературы в почти полном объеме. Составителем подготовлены тексты лекций: «Поучение Владимира Мономаха», «Произведения Куликовского цикла», «Еретические движения XVI–XVII вв.», «Светская повесть XVII в.», «Житие Юлиании Лазаревской», «Зарождение русского театра», «Деятельность Симеона Полоцкого», «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Литература периода монголо-татарского ига», «Период Смуты и литература этого времени», «Житие протопопа Аввакума». Для более объективного воссоздания лекционного курса взяты конспекты разных лет разных слушателей, а также аудиозаписи. Лекции по древнерусской литературе «теперь можно читать. Вот только те, кто не слышал самого, никогда не поймут, какое великое счастье осталось им недоступно»⁷, – сожалеет С. Кормилов.

Н.И. Либан «отнюдь не считал высокий художественный талант того или иного автора обязательным для того, чтобы иссле-

дователь или даже студент относились к нему с интересом. Историю творят далеко не только художественные гении, но и публицисты, правители, полководцы и т.д. А Россия в XVIII в. проделала огромный исторический путь, превратившись из отсталой средневековой страны, прозябавшей на периферии Европы, в одно из первостепенных государств мира, и особенно как раз в отношении литературы: за полтора столетия от Пушкина до Ахматовой она породила столько же писателей и поэтов классического уровня, сколько Англия и Франция за семь-восемь столетий. Но это было бы невозможно без ее стремительного развития в XVIII в. Эту мысль и внушал студентам Н.И. Либан. При этом искусство, литература, культура XVIII в. были для него важны и сами по себе. Ни в каком другом курсе лекций он так часто не повторял: “Это очень интересно” – и действительно многих заинтересовывал⁸.

Специфика, феномен человеческой личности лежит в основе двух спецкурсов, состоявших из 14 лекций по истории русской литературы XVIII в. и пяти лекций о творчестве Н.М. Карамзина (во второй части Собрания сочинений Н.И. Либана они объединены названием «Становление личности в русской литературе XVIII в.»).

Приступая к написанию «Истории государства Российского» Карамзин ставил перед собой совершенно определенную задачу, в первую очередь гражданскую: «он должен был соотносить явления русской действительности с явлениями мирового движения, прошлое с современностью»⁹. Гражданский пафос, которым проникнута «История» Карамзина, постепенно угасает. И все ближе к Смутному времени становится очевидным, как возрастает субъективное разочарование автора в фактах родной истории. Но самое главное он сделал: Карамзин показал, что исторические факты могут и должны быть предметом словесного искусства.

Во вступительном слове к лекциям по русской литературе первой трети XIX в. Н.И. Либан предупреждал своих слушателей, что циклы его лекций не следует рассматривать в качестве учебников. «Учебник – это особый жанр, требующий определенной композиции. В нем большое место занимает справочно-педагогическая литература, история вопроса и самое подробное указание на те пособия и литературные источники, которыми пользуется автор учебника. И часто бывает, что студент, “отягощенный”

многочисленными знаниями, сведениями и указаниями, забывает о том фактическом материале, о тех основных идеях, которыми он должен заниматься. Моя задача совсем другая. Лекции-очерки по литературе XIX в. призваны создать тот общественно-литературный фон, показать эстетические доктрины, которыми пользовались люди изучаемого периода. Попросту говоря – ввести читателя в изучаемую эпоху, чтобы он знал, когда возьмет в руки учебник, с какими людьми, течениями, произведениями ему придется иметь дело»¹⁰. С точки зрения Н.И. Либана, такая пропедевтика очень целесообразна. Каждая лекция совершенно самостоятельна, но в то же время все они связаны между собой идейно-тематическим единством материала и задачей.

В двух лекциях о В.А. Жуковском Н.И. Либан стремился обратить внимание студентов, что поэзия «русского Петрарки» – «особая, не похожая на то, что писали его современники». Жуковский «первый понял огромную разницу между правдой жизни и правдой искусства, понял, что не все можно выразить словом, но что само слово многомерно, беспредельно в своем звучании, он понял, что значит музыка слова»¹¹. Н.И. Либан подчеркивал, что поэзия Жуковского предвосхитила лирику XX в. «Все течения, школы, которые потом возникли: символизм, акмеизм и другие “измы” – есть не что иное, как заимствование или подражание лирике Жуковского. С той очень существенной разницей, что в этих поэтических школах мы довольно хорошо просматриваем именно мастерство школы, чего мы не видим у нашего поэта».

Творчество А.С. Пушкина освещается в четырех лекциях Н.И. Либана. Уже в начале творческого пути Пушкин вошел в орбиту литературного движения того времени: он отказался от классицизма и обратился к сентиментализму и господствующему направлению того времени – романтизму. Если возникновение западноевропейского романтизма связывают с событиями Французской революции, то первые романтические поэмы и вольнолюбивая лирика Пушкина восходят к идеям декабристов: «герой становится глашатаем времени»¹². Н.И. Либан подчеркивает, что, «создав образ Алеко, Пушкин выразил сомнение в прогрессивности и жизненности современного искусства. Приговор романтическому искусству найден: искусство – правда, а если нет правды, то нет совершенства в таком искусстве. Духовные и душевные пере-

живания нации сливаются с переживаниями автора. В этом смысле период южной ссылки необыкновенно плодотворен и интересен. Он заставил поэта отойти от мишурной жизни Петербурга, от увеселений дворцовых празднеств, но именно это отторжение дало ему иной взгляд на вещи, сделало поэта “истинным романтиком”»¹³.

На протяжении всего творческого пути Пушкина наблюдается его стремление к реалистическому изображению мира: «Пушкин насытил русскую литературу, русскую жизнь лирическими стихами, или, вернее, лирическим ощущением бытия. Он открыл в природе человека такие стороны внутреннего мира, которые до него никто не пытался изобразить...» (с. 475).

Пушкин реалистически изобразил близость, существующую между людьми, – не повседневную, а особых, трагических моментов жизни. «Реалистическое искусство Пушкина раскрыло человечность в человеческих отношениях. Это умение увидеть в *другом* человека – один из важнейших моментов человеческого бытия – с особой наглядностью выражено в “Капитанской дочке”. В “Медном всаднике”... побеждает социальное, и с этим ничего не поделаешь. Художник может это показать, раскрыть не может! Но ведь искусство призвано изменять собою мир?» – завершил свою лекцию риторическими фигурами Н.И. Либан¹⁴.

В лекции о романе «Евгений Онегин» ученый полемизирует с пушкинистами, утверждающими, что героя таким создала среда. По его мнению, «это и верно, и неверно. Ведь и среда создается людьми, а не только люди формируются средой. Онегин – тот же русский человек, что и Татьяна, но его русское начало вытравлено европейской беллетристикой, где по преимуществу проходит мысль о привлекательности зла (вспомним круг чтения Онегина). А для Татьяны... книгой сердца была “Новая Элоиза” Руссо, где мир души человека сливается с миром души природы... И нельзя все объяснять средой, как это делают некоторые авторы»¹⁵.

Две лекции посвящены своеобразию романтизма М.Ю. Лермонтова, объединившего реализм, натурализм и сентиментализм. «Для Лермонтова романтизм никогда не был переходным этапом от одного стиля к другому. И в начале своего творческого пути, и позже он оставался последовательным романтиком»¹⁶. Н.И. Либан видит заслугу Лермонтова в том, что поэт «блестяще

показал в своих произведениях, что всякий стиль в своем полном завершении объективно изображает действительность»¹⁷.

В 1950-е годы Н.И. Либан подготовил монографию о творчестве Н.Г. Помяловского. Ученый характеризует его отнюдь не как рядового представителя демократической прозы 1860-х годов, но как «безвременно ушедшего художника слова», — отмечает профессор МГУ Людмила Матюшенко. Написанные Н.И. Либаном подготовительные материалы к монографии, задуманной как кандидатская диссертация, ждали своего выхода с 1957 г. За это время были опубликованы произведения писателя с комментариями и монографии о его творчестве, однако «никому не удалось превзойти Н.И. Либана в воссоздании колорита эпохи, в которую жил и творил Помяловский. Порою создается впечатление, что материалы об “Очерках бурсы” написаны их современником»¹⁸.

По убеждению Н.И. Либана, Помяловский «поражает своей исключительной целостностью. Изображая “Мертвый дом” — бурсу, он сумел рассказать о том, как при мертвящей речи строгих понятий и категорий вытраивалось все живое из живого человека. Это любопытный пример двуязычия: языка мертвого, который должен изучать бурсак, и языка живого, на котором он думает и посредством которого выражает свои мысли и чувства»¹⁹. Отсюда та двуплановость, которая наблюдается у писателя в художественно-стилистических средствах: с одной стороны, непосредственное повествование, предельно простая выразительная русская речь, которую Помяловский выработал в результате отрицания витийственного проповеднического тона; с другой — «блестящая манера писателя прятать в “складках” своей речи троп, чуть шаржированное выдвижение художественного приема на первое место»²⁰.

В течение нескольких десятилетий, 1950-е годы — 2004 г., Н.И. Либан читал спецкурс «Творчество Н.С. Лескова (60–80-х годов XIX в.)» и вел семинар «Лесков и русские писатели второй половины XIX в.». В 1996–2007 гг. Н.И. Либан выступил инициатором издания Полного собрания сочинений Н.С. Лескова в 30 томах. Николай Иванович был главным редактором первых 10 томов, вышедших в издательстве «Тerra».

В лекциях Н.И. Либана на историко-литературном фоне России 1860–1880-х годов рассматриваются романы «Обойденные» и «Островитяне»; сатирическая хроника «В селе Пладомасове»;

роман-хроника «Соборяне»; повести «Очарованный странник» и «Запечатленный ангел»; рассказ «Левша». Лесков в трактовке Н.И. Либана – сугубо национальный писатель, по произведениям которого можно изучать русский быт, национальный характер. Тогда как у других писателей герои, в сущности, являются «вариациями одного психологического типа»: у Л. Толстого во всех романах встречается Нехлюдов; у Достоевского – «человек из подполья»; у Гончарова – везде Обломов (Райский); у Тургенева – «несчастный и нерешительный русский интеллигент»²¹.

У Лескова – *своя* вера, та, которая дана всем, но она не принадлежит самому человеку. Н.И. Либан соглашается с точкой зрения П. Флоренского, который считал, что «этот писатель лучше всех передал чувство “веры за пазухой”»²². Одна из граней национального характера, показанная Лесковым, – праведничество. Но, «в отличие от героев Достоевского, которые занимаются теоретизированием по вопросам веры и безверия, герои Лескова – практические праведники, люди долга, предпочитающие деятельное добро»²³, – утверждает Н.И. Либан. Писатель «подошел к русской жизни с такой стороны, с какой до него никто не подходил. Он нарисовал человеческие характеры различных сословий и социальных групп: “от боярской знати до низшей братии”, и все они “говорят своим языком, шероховатым, грубым, неряшливым”. Лескова не столько интересовали “сюжет, образ, герой, сколько звучание слова”»²⁴.

Историко-культурную атмосферу 70–90-х годов XIX в. Н.И. Либан охарактеризовал как «период необыкновенно повышенного интереса к христианству», в сущности оказавшимся его разрушением. В речи «Кризис христианства в русской литературе и русской жизни», произнесенной на Всероссийской конференции «Христианство и литература» (Москва, 1997) и опубликованной в издательстве МГУ, среди «писателей-разрушителей» Н.И. Либан называет Достоевского, Л. Толстого и Лескова, выступивших в роли комментаторов, «дополнителей» христианства или создателей собственного религиозного учения, «якобы христианского».

Л. Толстой, с точки зрения Н.И. Либана, совершенно не понявший идею триединства и отвергавший все формы церковного служения, выступил создателем своего Евангелия – учения, которое он изложил в трактатах: «В чем моя вера?», «Соединение

и перевод четырех евангелий», «Краткое изложение евангелия». Писателю казалось, что наступил период освобождения от церкви, искажившей учение Христа, а чтобы познать истинного Бога, необходимо, по его мнению, освободить это учение от искажений. По мнению Н.И. Либана, Л. Толстой очень интересен как реформатор, преобразующий учение, которое существует уже почти два тысячелетия.

Достоевский – писатель, с наибольшей силой отразивший период религиозных исканий, неудовлетворенности, отрицания, выраженных в словах апостола: «Господи, верю, помоги моему неверию». Все его романы наполнены изображением борьбы веры и неверия.

Лескова относили к писателям христианского направления, которые отстаивали веру, но любое его произведение, по убеждению Н.И. Либана, свидетельствует о том, что его вера все время колеблется. Излюбленный лесковский мотив – описание чудесного, однако объяснение чуда писатель находит в реальных житейских обстоятельствах и, лишённое мистики, оно обращается «в ничто».

В период особенно напряженных религиозных исканий, на рубеже двух столетий и в начале XX в., С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Розанов, С. Франк отринули «детскую непосредственность веры: “Аще не обратитесь и не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное”» (Мф. 18, 3). «Могучая кучка» религиозных философов, по мнению Н.И. Либана, все свои идеи свела к национальному русскому началу, пренебрегая тем, что сила христианского учения состоит именно в том, что оно всеобъемлющее и не имеет ни географических, ни национальных границ. «Христианство по сути своей есть величайший революционный переворот в истории человечества, и, видимо, чтобы обрести истину, ему необходимо испытать и пережить кризис, пройти через горнила страдания, неверия, отчаяния»²⁵.

Последней лекцией Николая Ивановича, произнесенной в стенах Московского университета, стало его выступление «История филологического факультета за 60 лет», которое состоялось в 2002 г. в Пушкинской гостиной филфака.

Филологию Николай Иванович Либан отождествлял с высшим знанием, и в своих лекциях и выступлениях стремился довести эту мысль до студентов.

Первое сентября 1968 г., выпавшее на период начала застоя в общественно-политической и культурной жизни советской эпохи, первокурсники отделения русского языка и литературы встречали без особого воодушевления. Перед Коммунистической аудиторией на Моховой, где должна была начаться первая лекция, в молчаливом ожидании выстроились студенты, засомневавшиеся в правильности выбора будущей профессии. Но вот всех пригласили в аудиторию, и декан филфака, профессор Алексей Георгиевич Соколов сообщил, что в сегодняшнем расписании произошли изменения и перед студентами выступит Николай Иванович Либан, который познакомит первокурсников с историей факультета. И после этого выступления атмосфера совершенно изменилась, потому что основным пафосом речи Николая Ивановича явилась мысль о непреходящей ценности слова. Мысль эта содержалась в его знаменитой лекции из курса по литературе Древней Руси о «Повести временных лет»:

«Ну а как же быть нам, филологам, любителям слова? Мы всегда на последнем месте? Нет, это неправда. Мы всегда на первом месте! Филолог – любитель слова. Мы и есть мозг всего мира. Я это говорю совершенно серьезно. Без филологии никуда. Высшая специальность – это филология, потому что это слово, потому что Слово в начале было» – «и Слово было Бог»²⁶.

¹ Хализев В. / Либан Н.И. Избранное. Слово о русской литературе. – М., Прогресс-Плеяда, 2010. – С. 612.

² Кормилов С. Он учил ученых: К 100-летию со дня рождения Николая Ивановича Либана / Литературная газета, 15–21 сентября 2010 г. – № 36 (6290). – С. 15.

³ Либан Н.И. Русская литература: Лекции-очерки / Сост. Харламова-Либан В.Л.; вступит. ст., коммент. Кормилов С.И. – М.: Прогресс-Плеяда, 2014. – С. 14.

⁴ Там же. – С. 57.

⁵ Кормилов С. Он учил ученых: К 100-летию со дня рождения Николая Ивановича Либана / Литературная газета, 15–21 сентября 2010 г. – № 36 (6290). – С. 15.

- ⁶ Либан Н.И. Литература Древней Руси: Лекции-очерки. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – С. 57.
- ⁷ Кормилов С. Там же.
- ⁸ Кормилов С. Там же.
- ⁹ Либан Н.И. Русская литература: Лекции-очерки / Сост. Харламова-Либан В.Л.; вступит. ст., коммент. Кормилов С.И. – М.: Прогресс-Плеяда, 2014. – С. 402.
- ¹⁰ Там же. – С. 411.
- ¹¹ Там же. – С. 417.
- ¹² Там же. – С. 433.
- ¹³ Там же. – С. 435.
- ¹⁴ Там же. – С. 477.
- ¹⁵ Там же. – С. 453.
- ¹⁶ Там же. – С. 502.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Либан Н.И. Русская литература: Лекции о русской литературе. Работы разных лет. Из архива. – М.: Водолей, 2015. – С. 95.
- ¹⁹ Там же. – С. 338.
- ²⁰ Там же. – С. 341.
- ²¹ Там же. – С. 423.
- ²² Там же. – С. 373.
- ²³ Там же. – С. 425.
- ²⁴ Там же. – С. 425–426.
- ²⁵ Там же. – С. 434.
- ²⁶ Либан Н.И. Русская литература: Лекции-очерки / Сост. Харламова-Либан В.Л.; вступит. ст., коммент. Кормилов С.И. – М.: Прогресс-Плеяда, 2014. – С. 56–57.